

Тема урока: Рассказы В.Г.Корнилова о войне.
Читаете рассказ «Батальон»

От тревожного внутреннего толчка я поднялся стремительно. Стоял, соображая, что случилось. Только что был я в плотной массе людей, все мы, солдаты и командиры, измотанные двухнедельными ночными переходами, лежали по обеим сторонам дороги, выхватывая в коротком привале минуты сна. Обычно, вслед за каждым привалом следовала взбадривающая команда, передаваемая из конца в конец наружными голосами. "Стройся!.." и люди, обрывая сон, отупело, расталкивали друг друга, тяжело поднимались, замедленными движениями накидывали на спину вещмешки, винтовки, сдвигались к дороге, начинали движение в ночь, к таинственной точке, обозначенной лишь на карте комбата. Повторялось все это много раз, проделывалось как бы помимо собственных усилий, и оказаться вдруг в одиночестве, в безлюдье, в безмолвии ночи, было подобно оглушающему взрыву снаряда.

Еще не сознавая всю отчаянность положения, я прислушался, - ни звука не доносилось, ни с земли, укрытой мраком, ни с небес, мерцающих звездами. В стороне фронта всплывали осветительные ракеты, обозначив над горизонтом мерцающую хвостатую дугу, гасли. В другой стороне, там, где в немыслимой дали, был мой дом, обихожённая мною земля, не было ни огонька, ни даже слабого отголоска. И над полевой дорогой, на обочине которой я стоял, по которой, как мне казалось, только что ушли в ночь сотни людей, уже не висела пыль, сама дорога была пуста и безгласна.

Сколько же пролежал я в сонном забытии? - соображал я. - И почему никто не толкнул, не пробудил?.. Ах, вот оно: сделал я несколько лишних шагов в сторону, завалился за высокий бурьян.

Усталые солдаты, пробужденные из минутного сна, не разглядели меня. Всего несколько лишних шагов в сторону, и вот расплата, - один я в ночи между смертельно враждующими мирами!

Я рос в лесах, в свободе юношеских устремлений. Одиночество никогда не пугало меня. Один, с ружьем за плечами, бродил я по лесным урочищам, коротал ночи у костра под угрюмое уханье филина, а то и под тоскливый предсмертный стон лося, затравленного волчьей стаей, и не ведал ни страха, ни отрешенности от дома, от людей, среди которых жил. Знал, в любое время дня и ночи возвращусь знакомыми дорогами, и люди, и дом примут меня. Всего месяца два-три назад, замкнутым в стенах военного училища дисциплиной и долгом, я с тоской смотрел на Уральские горы, окутанные дымкой лесов, и не было большего желания, чем оказаться там, под нависью сосновых ветвей в былой своей свободе.

И вот я в совершеннейшем одиночестве! Надо мной нет власти ни комбата, ни комиссара, нет глаз все видящих, все понимающих солдат. Один я, один! При полной своей воле. Шагай в любую из четырех сторон! Вкушай свободу, возвращай былые радости, отобранные войной! Ах, как заманчиво кому-то видится из нынешней расшатанной жизни упоительность воли, что ничего нет выше твоей, личной, свободы!

Тогда же, в ночи, я не ощутил даже вспышки радости от ниспосланной мне свободы. И не потому, что оказался в очевидной опасности, могущей в любую из минут подстеречь меня в этой пустынной полосе в каких-то четырех-пяти километрах от линии фронта: немецкая разведка действовала настойчиво, и одинокий лейтенант был бы для нее неплохой добычей. Не пришло в голову и возможное обвинение в дезертирстве, что случалось порой от излишней подозрительности особистов.

Нет, не кары, вполне возможные, устроили меня. Меня устроило одиночество! Да-да, то самое одиночество, в котором я взрастал, та, самая свобода, о которой еще недавно тосковал!

В подступившем отчаянии побежал я в том направлении, в котором прежде шел батальон, на бегу и в темноте угадывая дорогу по смутным очертаниям бурьяна, росшего сплошь по обочинам. Бежал, задыхаясь не от бега, от сознания невозможности остаться одному в смертельно враждующем мире. Единственным желанием было - услышать топот солдатских ног и глухое погромохивание повозок.

Мое состояние можно представить, только поняв, чем был батальон для каждого из солдат в условиях войны. Я помнил, как однажды попытались отправить меня из батальона в госпиталь. Валялся я в санвзводовской палатке в полубреду, с температурой под сорок, и именно в тот день поступил приказ о переброске всей бригады за сотню верст на другой участок фронта. Военврач долго смотрел на меня, щупал пульс, наконец, распорядился:

- В армейский госпиталь. Немедленно. Палатки сложить, погрузить. В ночь выступаем!..

Военврача я понимал: имущества много, повозок в обрез. С тяжело больным в многодневном движении одна морока. Но я знал: армейский госпиталь - это уже точно не вернуться в свой батальон. В армии батальонов сотни. Для меня же мой батальон - единственный, Я уже врос в него, как дерево врастает корнями в клочок земли, на котором его посадили.

- Нет, - сказал я, глядя на военврача воспаленными от жара глазами. - Нет!..

- Но места в повозке мы не найдем, лейтенант! - уже раздраженно воскликнул врач.

- Повозки не надо. Я - пойду... - сказал я.

- Как пойдете?!

- Пойду, - повторил я упрямо.

И пошел. Два солдата взяли меня под руки. Первые километры шел на подгибающихся ногах. Неудержимо тянуло лечь, распластаться тут же, на дороге, в пыли. Порой я обвисал на солдатских руках, меня почти волокли. Глаза затмевал красный туман, голова разламывалась от боли. Так довели меня до первого привала, до... второго. С третьего привала дышаться стало легче, хотя лоб и спина были в холодном поту. Когда утренняя зорька высветила колонну, и объявили дневку, я без чувств завалился меж берез в траву. Очнулся, солнце уже клонилось к лесу. Гимнастерка мокра, будто выполз я из воды, но в голове ясность, ноги-руки не дрожат. Поднялся, огляделся. Вокруг, в поросли молодых берез, люди, люди лежат, сидят, ходят, - все свои, мой единственный для меня, батальон!

Для солдата на войне нет другого дома. В батальоне для каждого, - будь то солдат или командир - всё: от оружия до сапог и пилотки. Здесь тебя кормят, обмывают, лечат, здесь осознается человеческая общность, завязывается родство по пролитой крови.

Если ты отторгнут от батальона, ты уже не воин, ты уже не жилец на земле опаляемой войной.

В лихорадке бега я прикидывал, как далеко мог уйти батальон за то время, пока в забытьи я лежал в сокрывшем меня бурьяне. Час - два? - соображал я. Но это десяток километров!..

До возможного ускоряя бег, я вдруг остановился: полевая дорога под прямым углом уткнулась в широкую, похоже, недавно проложенную рокадную дорогу.

Я заметался. Куда свернул батальон, - направо, налево?.. Если батальон свернул налево, а я устремлюсь направо, к какому концу приведет меня дорога?..

Стоял, прислушиваясь, - ни звука! Мрак по-прежнему укрывал землю. Я опустился на колени, помня, как когда-то по ночным следам разгадывал зверюшечью жизнь. Низко приклонив лицо к земле, все же разглядел в самом конце проселочной дороги вмятины тележных колес. Едва видимые, они загибались в левую сторону. На плотной рокадной дороге их уже не было видно, но последние метры проселка все-таки указали мне путь!

Теперь я бежал, слыша стук своих сапог по твердой прикатанной земле. Бежал, размышляя: с дороги, идущей вдоль фронта, батальон обязательно должен свернуть. Но куда - влево, вправо? Если на рокадную дорогу он вышел слева, - соображал я, - то сойти с дороги мог только вправо!..

Я перебежал на правую сторону, бежал теперь по обочине, стараясь не пропустить даже мало-мальски заметного бокового съезда. Отмахал я уже не меньше двух километров, со все возрастающим беспокойством останавливался, вслушивался в окружающее меня безмолвие. Ни единого спасительного для меня звука не улавливал мой слух. Только оттуда, где взлетали ракеты, доносилось погромыхивание орудий.

Во тьме, в тревожном своем беге, запнулся я о камни, сдвинутые на обочину. Удар по колену был столь болезненным, что пришлось опуститься на землю. Сидел, морщась, растирал ногу, с досадой думая: "Вот уж не ко времени..."

Утишив боль, попробовал подняться. Рука придавила что-то, непохожее ни на камень, ни на траву. Поднес к глазам. Разглядел скомканную пачку от папирос. Знал: папиросы обычно входили в командирский паек. Сам я не курил, но в руках других видел такие пачки дешевых, со звездочкой,

папирос. Пустая пачка могла, разумеется, принадлежать любому из тысяч военных людей, когда либо проходивших или проезжавших здесь. Но эта пачка была свежая, от нее пахло табаком!

Я уже не сомневался, что выкурил последнюю папиросу и выбросил опустевшую пачку кто-то из командиров нашего батальона!

Надежда возбудила, я вскочил и тут же охнул, ступив на ушибленную ногу. И все же побежал вприпрыжку, охотничьим чутьем улавливая спасительную близость людей.

Где-то на исходе третьего километра увидел, наконец, промятую обочину. Широкий съезд переходил в лесную дорогу. Конечно, все могло быть и с этой дорогой, - десятки батальонов и полков по всяким военным надобностям постоянно перебрасывались с места на место. Наткнуться на чужую часть, да еще в ночное время, было далеко не лучшим завершением моего беспокойного одиночества. И все же, не раздумывая, с той же болезненной припрыжкой, я углубился под навис ветвей, веруя в близость моего батальона.

После нескольких мучительных пробежек по избитой, в колдобинах лесной, дороге, в еще более сгустившейся под пологом леса тьме, я остановился на опушке успокоить стук перенапряженного сердца, и услышал, как донеслось из глубины леса, дробное, по корням, тархатенье тележных колес, ворчливые окрики ездовых, топот и приглушенный говор людей!

Прислонился к стволу сосны, стоял, закрыв глаза, чувствуя на щеках слезы. На фронте вряд ли кто видел плачущего солдата, даже среди битых, перебитых и уходящих в небытие. Слезы мои не были слезами человека, шагнувшего из юности прямо в войну и не успевшего еще ожесточить себя обыденностью смертей и крови. Слезы мои были не о прошлом, это были слезы избавления от страшного на войне одиночества.

В конце медленно движущейся через лес колонны тянулись с лошадиным фырканием повозки хозввода. Некоторых ездовых, идущих обочь с вожжами в руках, я узнал. Разглядел и повара, восседавшего на облучке среди большого кухонного котла на колесах. Когда, обгоняя, устало бредущих людей, добрался до своего взвода, услышал, как один из солдат сказал:

- Вон наш лейтенант! А ты сказывал - потерялся. На что другой голос ответил:

- Видать с соседним взводом шел...

И от этих рассудительных солдатских слов стало мне хорошо и спокойно, словно после долгих скитаний вернулся я, наконец, в родной дом!

Ответьте письменно на вопросы:

Почему одиночество так пугало лейтенанта?

Объясните смысл последнего абзаца.

Удачи!